

28777

1616—1916.

КУЗЬМА МИНИНЪ.

Къ трехеотлѣтію со дня его смерти.

Составилъ С. М. Парійскій.

Р.с. 196318

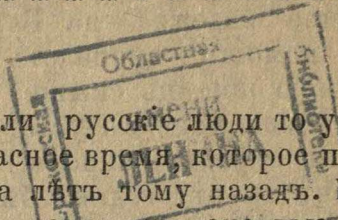
6318

Памятникъ Минину и Пожарскому, въ Н.-Новгородѣ.

1818—1819

„МИНИНЪ“ карт. Маковскаго—Высочайшій даръ Государя Императора
Нижему-Новгороду.

„Лихолѣтьемъ“ прозвали русскіе люди то ужасное смутное, тяжелое и опасное время, которое переживала родная Русь триста лѣтъ тому назадъ. Прекратился тогда царскій родъ со смертію въ 1598 году послѣдняго царя изъ дома Рюрика—Федора Иоанновича, сына Иоанна Грознаго. Появляются самозванцы; иноземцы—поляки и шведы разоряютъ русскую землю; поляки захватываютъ даже Москву, хотятъ своего королевича поставить на русскій престоль, а русскіе люди „измалодушествовались“,—крамольничаютъ бояре, бунтуютъ и разбойничаютъ крестьяне, хозяйничаютъ бездомные и безземельные казаки. Гнетутъ иноземцы и грабятъ народъ, а измѣнники имъ потворствуютъ, да дружатъ съ ними.

Есть, правда, и другіе люди, любятъ они русскую землю. Стоятъ они за свою землю, страдаютъ за русское дѣло, да мало ихъ, не подъ силу имъ одолѣть враговъ своихъ и чужихъ. Собралъ Рязанскій воевода Проконій Ляпуновъ народное ополченіе, повелъ его освобождать Москву отъ поляковъ, да убили его казаки—измѣнники. Распалось народное ополченіе. Одинъ остался страдалецъ за русскую землю—патріархъ Ермогенъ,—пишетъ онъ грамоты по городамъ, призываетъ онъ русскій народъ соединиться, выгнать поляковъ изъ Москвы и избрать государя,—да и сидитъ патріархъ въ неволѣ у поляковъ, мучаютъ они его, голодомъ морятъ, оскорбляютъ, и умираетъ онъ въ темницѣ съ благословеніемъ

на устахъ для истинныхъ сыновъ родины и съ проклятіемъ на враговъ и „окаянныхъ московскихъ измѣнниковъ“.

Нѣтъ вождя у на рода, нѣтъ вокругъ кого собраться. Одна надежда—на Бога. Не подастъ Господь своей помощи—пропадетъ вся земля. Упованіе на чудесную помощь свыше, молва о видѣніяхъ—переходить изъ устъ въ уста. Много пророчествъ носилось въ народѣ, — народъ смутно ждалъ лучшихъ временъ въ эту годину бѣдствій и испытаній.

Кромѣ того, народъ понималъ, что нужно избрать царя, ибо нѣтъ царя—нѣтъ и Москвы, нѣтъ и Руси, нѣтъ порядка, нѣтъ единства, нѣтъ и счастья.

У всѣхъ одна дума--избавить Москву отъ враговъ и выбрать царя. И вотъ, когда Москва была въ рукахъ поляковъ, когда должна была выбирать между самозванцами и иноземнымъ царемъ, когда передается она Владиславу, сыну польскаго короля Сигизмунда, когда Русь постигла полная „разруха“, изъ Нижняго Новгорода на Волгѣ раздался призывъ къ освобожденію. Поднимается на освобожденіе Москвы населеніе Нижегородское Кузьма Мининъ, и народъ встаетъ, какъ одинъ человѣкъ, отдастъ себя подъ начало одного человѣка, освобождаетъ Москву и спасаетъ Русь.

Вотъ какъ описываютъ намъ лѣтописцы „Спасителя Отечества“—Кузьму Минина.

Мининъ—человѣкъ благочестивый, добродѣтельный, умный и честный. „Родомъ не славень, но смысломъ мудръ“. По занятіямъ онъ былъ „говядарь“, торговецъ мяса и рыбы. Жилъ онъ въ Нижнемъ, въ Благовѣщенской слободѣ, у церкви Св. Іоанна Предтечи. Кузьма занималъ въ Нижнемъ-Новгородѣ весьма видное положеніе, благодаря которому всѣ его предложенія и совѣты должны были приниматься

жителями съ особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Онъ былъ главнымъ, „излюбленнымъ“, т. е. выборнымъ человѣкомъ въ городѣ, земскимъ старостой, начальникомъ судныхъ дѣлъ среди своей братіи, посадскихъ людей. По своимъ достаткамъ онъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ людей. Какъ видный торговый человѣкъ и какъ земскій староста, онъ прекрасно зналъ населеніе своего города и, пользуясь среди него большимъ уваженіемъ, умѣлъ на него дѣйствовать. Глубоко волновали его бѣдствія земли и не разъ, можетъ быть, онъ просилъ Господа о помощи своей бѣдной родинѣ, бессонныя ночи проводилъ онъ въ глубокой неотвязной думѣ о томъ, какъ избавиться отъ вражескаго насилія и подать помощь бѣдствующей Москвѣ, а съ нею и Руси.

„Заскорбѣлъ“ духомъ Нижегородскій земскій староста, руководитель Нижегородскаго посадскаго торговаго люда, своими глазами видѣвшій во время Ляпуновскаго движенія бѣдствія Москвы, самъ уже участвовавшій въ бояхъ съ „ворами“ — лиходѣями, измѣнниками подъ Богородскимъ, недалеко отъ Нижняго.

Заскорбѣли съ нимъ и нижегородцы. Мысль объ освобожденіи Москвы все больше и глубже захватывала нижегородцевъ.

Встрѣчаясь постоянно съ народомъ, онъ высказывалъ вездѣ свой взглядъ на положеніе вещей въ государствѣ, и его мысль о необходимости устроить собственное ополченіе изъ нижегородскихъ гражданъ и изъ ратныхъ людей отъ другихъ городовъ, нашла себѣ откликъ въ сердцахъ нижегородцевъ.

Прислалъ изъ неволи патріархъ Ермогенъ въ „свой любезный Нижній-Новгородъ“ грамоту съ безстрашными людьми Родіономъ Мосѣевымъ и Ратманомъ Пахомовымъ, чтобы „стояли крѣпко нижегородцы въ вѣрѣ и чтобы отнюдь на царство про-

клятаго сына Маринкина не сажали“, и о томъ же писали бы въ Казань и другіе города. Грамота эта была получена въ Нижнемъ 25 августа 1611 года и произвела сильное впечатлѣніе на нижегородцевъ.

Кузьма же, возложивъ упованіе на Бога и на преподобнаго Сергія, который явился ему во снѣ, повелѣлъ казну собирать и воинскихъ людей надѣлать и итти на очищеніе Московскаго государства, взявъ на себя это трудное и тяжелое дѣло. Сталъ Кузьма вести частыя бесѣды среди посадскихъ людей, среди своихъ выборщиковъ „въ земской избѣ“, стоявшей около церкви Св. Николая Чудотворца на торгу, на Нижнемъ базарѣ, и гдѣ только случалось, о бѣдствіяхъ русской земли: о разореніи Москвы и другихъ большихъ и малыхъ городахъ русскихъ, о насиліяхъ враговъ надъ русскими людьми, надъ богатыми и простыми, о лютыхъ казняхъ надъ ними, — о томъ, какъ позорили враги женщинъ и дѣвицъ и уводили ихъ въ плѣнъ, какъ разорялись, осквернялись и хулились храмы Божіи. Враги захватили чуть-ли не всю землю русскую, только городъ нашъ Богомъ хранимъ. Между тѣмъ враги наши — иноземцы, а съ ними и наши русскіе измѣнники-клятвопреступники, какъ свирѣпыя волки, уже посягаютъ и на нашъ городъ, хотятъ и его предать разоренію. А мы, нижегородцы, остаемся безпечными и совершенно не заботимся о себѣ. Освобожденіе Москвы отъ враговъ — наше освобожденіе, спасеніе родины — наше спасеніе.

Различно приняли нижегородцы слова Минина, — одни приходили „во умиленіе“, „сладцѣ внимаше“, а другіе „ругающесе отхождаше“. Не по сердцу была нѣкоторымъ рѣчь земскаго старосты, а „юннїи“, молодежь обсуждала его призывъ. „Что въ нашемъ богатствѣ“, говорили они, „придутъ враги и пограбятъ его, какъ сдѣлали они въ другихъ городахъ.

Соберемъ лучше это богатство на содержаніе ратнымъ людямъ и если бы нашелся человекъ честный, кому ратное дѣло за обычай, то со слезами надо его просить, да будетъ намъ наставникъ и во всемъ предать себя на его волю. Мы готовы за избавленіе христіанской вѣры главы своя положить“.

Любъ былъ нижегородцамъ совѣтъ своего старосты и „начаша изыскивати, начали думать, совѣщаться, обсуждать положеніе дѣла и „приговоръ всего града за руками (за подписью) составили, чтобы во всемъ Кузьмы слушати и Кузьмѣ тотъ приговоръ отдали“.

Приговоромъ опредѣлялся особый сборъ „на содержаніе ратныхъ людей“, и произвести такой сборъ поручалось Минину.

Такъ починъ народнаго ополченія на освобожденіе Москвы принадлежалъ нижегородской тяглой посадской общинѣ, а въ средѣ этой общины—ея земскому старостѣ Кузьмѣ Минину.

Начало было положено, за посадскими людьми пошли и другіе „всякіе люди“ Нижняго и Нижегородскаго Поволжья.

Въ октябрѣ того же 1611 г. пришла въ Нижній грамота Троице-Сергіева монастыря, призывающая итти на помощь Москвѣ и родинѣ. Въ Нижнемъ опять стали совѣщаться и обсуждать, „какъ подать эту помощь Московскому государству“.

По полученіи Троицкой грамоты, нижегородскія власти у воеводы нижегородскаго собрались на совѣщаніе. „На совѣтѣ были Θεодосій, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, Спасскій протопопъ съ братією, да иные попы, да Биркинъ (стряпчій), да Юдинъ (дьякъ) и дворяне, и дѣти боярскія, и головы, и старосты“. Былъ и Кузьма Мининъ. Совѣтъ рѣшилъ оповѣстить о грамотѣ всѣхъ нижего-

родцевъ, почему „наутріе“, на слѣдующій день, соборный колоколъ созываетъ горожанъ въ церковь; многіе были удивлены этому звону, „не воскресный бо день“ и шли въ соборъ. Послѣ обѣдни протопопъ Савва „предъ святыми вратами“ прочиталъ троицкую грамоту и обратился къ народу съ слѣдующею рѣчью:

„Увы намъ! Пришли дни нашей гибели. Гибнетъ Москва, гибнетъ и вѣра православная. Горе намъ! Польскіе и литовскіе люди задумали московское царство разорить и православную вѣру нарушить. Городъ Москву враги разорили и жителей его „всеядному мечу“ предали. Что же мы будемъ дѣлать теперъ, братья? Не соединимся-ли и не станемъ-ли до смерти стоять за вѣру Христову, за святую церковь и за Москву православную и за многоцѣлебныя мощи Московскихъ Чудотворцевъ“:

Потомъ отслуженъ былъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, „да подастъ Господь Богъ побѣду христіанамъ“.

На площади выступилъ затѣмъ Мининъ и сказалъ народу горячую рѣчь:

„Православные люди“,—говорилъ Кузьма Мининъ собравшемуся во множествѣ народу, „захотимъ помочь Московскому государству, не пожалѣемъ животовъ своихъ, не только животовъ,—дворы свои продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и будемъ бить челомъ, чтобы кто-нибудь сталъ у насъ начальникомъ. Дѣло великое. Мы совершимъ его, если Богъ поможетъ. И какая хвала будетъ всѣмъ намъ отъ русской земли, что съ такого малаго города какъ нашъ, произойдетъ такое великое дѣло. Я знаю, какъ только мы на это подвинемся, такъ и многіе города, къ намъ пристанутъ и мы избавимся отъ иноплеменниковъ“.

Слова Минина глубоко запаали въ душу присутствующихъ. Многіе прослезились.

Всѣ единодушно отвѣчали Минину: „будь такъ, будь такъ“.

Начался единодушный сборъ пожертвованій среди нижегородцевъ на ратныхъ людей. Жертвовали всѣ, не посадскіе только, но и дворяне и духовенство. Собирали тотъ же Мининъ. Одни давали „по пожитку и промыслу“, а другіе послѣднее жертвовали „для великаго земскаго дѣла“. Мининъ подалъ первый примѣръ пожертвованія на ратныхъ „мало себѣ оставивъ, а свое имущество положивъ на строеніе ратныхъ людей“. Прочіе купцы и торговые люди приносили казну многу, слѣдуя примѣру своего старосты.

Пришла, между прочимъ, одна вдова и сказала: „осталась я послѣ мужа бездѣтна и есть у меня двѣнадцать тысячъ рублей, изъ нихъ десять отдаю, а себѣ оставляю двѣ“.

Кузьма Мининъ, какъ „выборный человекъ“, которому данъ былъ приговоръ за руками нижегородскихъ посадскихъ торговыхъ и всякихъ людей, окладывалъ, съ кого сколько денегъ взять, смотря по пожиткамъ и по промысламъ, послалъ и въ Балахну и въ Городецъ“.

Собравъ „казну многу“, нижегородцы стали собирать и войско не только изъ предѣловъ Нижняго, но и изъ другихъ мѣстъ. Нижегородскія власти приглашали изъ понизовыхъ городовъ ратныхъ людей „со всею службою въ Нижній“, а изъ Нижняго подъ Москву „для очищенія Московскаго государства“.

Воеводою надъ всеми этими дружинами нижегородцы всемъ городомъ избрали „военачальника искусна во бранѣхъ“ стольника князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, извѣстнаго своимъ мужествомъ и ревностью ко благу отечества.

Въ то время Пожарскій лечился у себя въ Суздальской вотчинѣ, верстахъ въ ста двадцати отъ Нижняго, отъ ранъ, полученныхъ въ борьбѣ съ врагами при осадѣ Москвы.

Отправлены были нижегородцами къ Пожарскому послы--печерскій архимандритъ Θεодосій и старѣйшій изъ служилыхъ людей Жданъ Болтинъ съ выборными и посадскими людьми просить его въ начальники ополченія. Князь Д. М. Пожарскій согласился на просьбу нижегородцевъ и заявилъ, что „онъ радъ страдать до смерти за православную вѣру“ и посовѣтовалъ имъ выбрать изъ своей среды чело-вѣка для завѣдыванія казною, „кому бы быть съ нимъ у такого великаго дѣла, и казну собирать“, кому бы то дѣло было за обычай, указавъ на Минаина, какъ на чело-вѣка въ такомъ дѣлѣ бывалаго.

Кузьма Мининъ согласился и потребовалъ приговора „за руками“, т. е. за подписями, въ томъ, чтобы слушаться во всемъ его и князя Пожарскаго и давать деньги на жалованье и содержаніе ратныхъ людей.

Нижегородцы дали ему этотъ приговоръ. По составленіи такого приговора, Мининъ обложилъ всѣхъ „пятою“ деньгою, т. е. должны были вложить въ общее дѣло пятую часть имущества и „бралъ Мининъ по пожиткамъ и промысламъ“, а иногда приходилось по приговору брать и „нужею“, т. е. насильно съ тѣхъ, кто не хотѣлъ давать. Нашлись при этомъ, какъ всегда бываетъ на Руси, и dobroxotnye жертвователи.

Въ концѣ октября, послѣ „Дмитріева дня“, т. е. послѣ 26 октября 1611 года, князь Д. М. Пожарскій прибылъ въ Нижній, и нижегородцы встрѣтили и приняли его съ великою честью.

Такъ образовалось и развивалось городское движеніе въ Н.-Новгородѣ, которое очень быстро сдѣлалось областнымъ, низовскимъ, а потомъ и общерусскимъ общенароднымъ,

потому что нижегородцы, во главѣ съ Пожарскимъ и Мининымъ, разсылали повсюду грамоты, призывая соединиться для общаго дѣла, выгнать поляковъ изъ Москвы и выбрать новаго Государя, „кого намъ Богъ дастъ“.

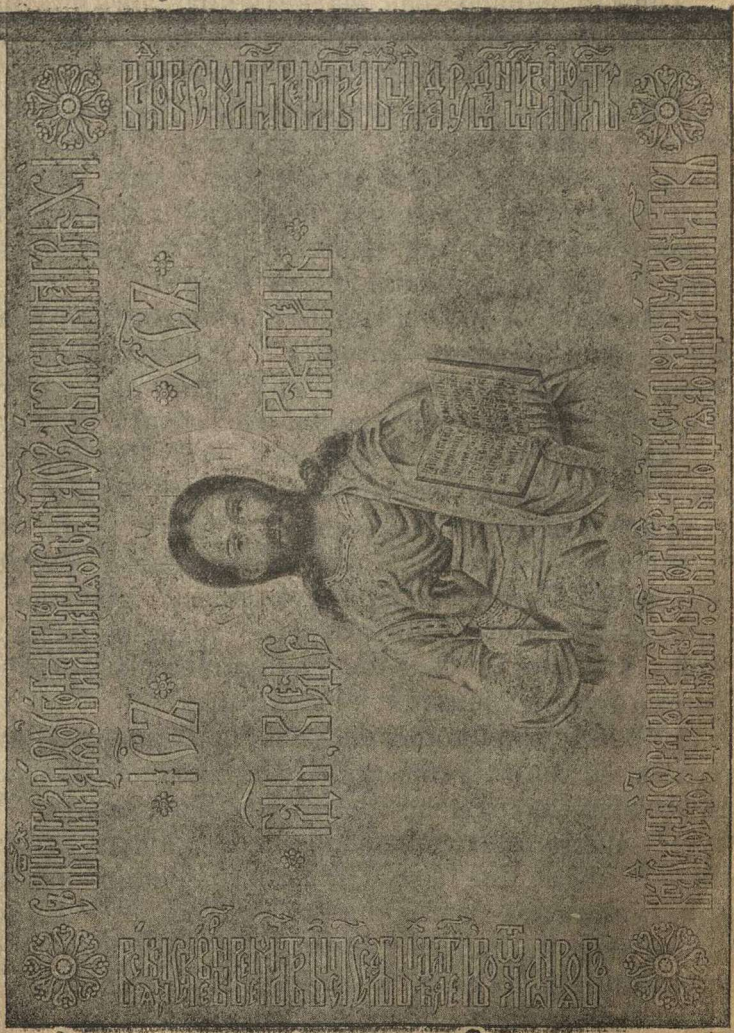
Вѣсть о нижегородскомъ движеніи быстро распространилась по окрестнымъ городамъ, и стали стекаться въ Нижній подъ знамя Пожарскаго служилые и ратные люди, которымъ нижегородцы „давали денежное жалованье нескудно“. Потекли новыя пожертвованія и ополченіе выросло въ огромную рать, а казна наполнилась до краевъ.

Явились и выборные отъ нѣкоторыхъ городовъ для совѣта, и около Минина и Пожарскаго образовался изъ выборныхъ „общій совѣтъ“, который, немного спустя, превратился въ „совѣтъ всея земли“.

Однако Мининъ и Пожарскій не спѣшили походомъ къ Москвѣ, они понимали, что нужно прежде „привести сосѣдей къ общему совѣту“, къ общему согласію въ великомъ дѣлѣ спасенія родины и „очищенія Московскаго государства“. Нужно было сдружить людей, уничтожить всякую рознь, подыскать надежныхъ воеводъ, заготовить оружіемъ и „кормами“ — хлѣбными запасами.

На все это понадобилось не малое время, и только въ концѣ февраля 1612 г. ополченіе выступило въ походъ вверхъ по Волгѣ къ Ярославлю.

О нижегородскомъ движеніи узнали и въ Москвѣ и подъ Москвою. Поляки и бояре — измѣнники приступили къ плѣнному патріарху Ермогену, чтобы онъ написалъ грамоту къ нижегородцамъ о прекращеніи похода, а стойкій и преданный своей родинѣ святитель наотрѣзъ отказалъ имъ и благословилъ ополченіе: „Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и наше благословеніе, да изліется гнѣвъ Божій и да будете вы прокляты въ семь вѣкѣ и въ буду-“

Знамя кн. Д. М. Пожарского 1612 г.

Знамя кн. Д. М. Пожарского 1612 г. (другая сторона).

щемъ". Тогда страдальца—патріарха заперли еще тѣснѣе и 17 февраля 1612 года патріархъ Ермогенъ скончался, какъ говорятъ, отъ голода.

Народъ съ радостью встрѣчалъ ополченіе, доставлялъ ему деньги и ратныхъ людей и въ то же время требовалъ избранія царя.

Въ Ярославль ополченіе прибыло во второй половинѣ марта. Здѣсь пришлось остановиться и пребыть довольно долго.

До конца іюля оставалось ополченіе въ Ярославлѣ.

По просьбѣ Минина и Пожарскаго города присылали сюда своихъ выборныхъ и изъ этихъ выборныхъ вмѣстѣ съ прежними выборными и властями образовался „совѣтъ всея земли“ на мѣсто „общаго совѣта“, бывшаго еще въ Нижнемъ. Сюда входили духовныя власти съ митрополитомъ Кирилломъ во главѣ, свѣтскія власти—бояре и воеводы, начальники ополченія и, наконецъ, выборные отъ всякихъ чиновъ людей изъ городовъ.

Здѣсь въ Ярославлѣ нижегородское дѣло, начатое по почину Кузьмы Минина, обратилось въ дѣло общее—общерусское.

Около 20 августа Пожарскій съ ополченіемъ подошелъ къ Москвѣ и скоро долженъ былъ вступить въ ожесточенную борьбу съ гетманомъ Хоткевичемъ, подошедшимъ на помощь осажденнымъ въ Кремль полякамъ и заставилъ его уйти изъ Москвы.

Во время рѣшительнаго сраженія (23 августа 1612 г.) Кузьма Мининъ способствовалъ побѣдѣ русскихъ надъ врагами.

Вотъ какое указаніе даютъ намъ документы того времени. Большой надежды на успѣхъ въ побѣдѣ съ сильнымъ врагомъ не было ни въ комъ. Всѣ крѣпко молились, полагаясь лишь на милость Божию.

День склонялся къ вечеру.

Богъ услышалъ молитвы Его призывающихъ и послалъ свою помощь: „охрабри Богъ“, внушилъ Господь мужество и смѣлость Кузьмѣ Минину, который рѣшился сдѣлать отчаянную вылазку противъ врага. Пришелъ Кузьма къ князю Пожарскому и просилъ его дать ему ратныхъ людей для нападенія. Пожарскій согласился. Мининъ „малыхъ людей взя“, — взялъ небольшой отрядъ съ ротмистромъ Хмѣлевскимъ во главѣ съ тремя сотнями дворянъ.

Противъ Крымскаго двора (церковь Иоанна Воина) стояли двѣ вражескія роты, конная и пѣшая. Кузьма переправился за Москву рѣку, быстро напалъ на эти двѣ роты. Послѣднія дрогнули и побѣжали. Тогда засѣвшіе въ ямахъ и крапивахъ наши ратные люди, услыша крики битвы и увидя, что Кузьма Мининъ гонитъ враговъ, выскочили изъ засады и ринулись, какъ одинъ человекъ, на непріятельскіе полки. Гетманъ не выдержалъ, бросилъ свой лагерь, отступилъ, а на разсвѣтъ и со всѣмъ ушелъ отъ Москвы черезъ Воробьевы горы, „браду свою кусая зубами и царапая лицо руками“. Это было 25-го августа 1612 г.

Послѣ двухмѣсячной упорной борьбы съ поляками и осады Московскаго Кремля, гдѣ осажденные испытывали страшный голодъ, питаеясь мясомъ кошекъ, собакъ, мышей и людей, выкапывая даже группы изъ могилъ, народное ополченіе 22 октября 1612 г. приступомъ взяло Китай-городъ, а 26-го вступило въ Московскій Кремль. Москва была освобождена, а съ нею спасена и Русь.

Оставалось выбрать царя, — „по Божію изволенію“.

Въ избраніи Государя участвовала чрезъ своихъ выборныхъ вся Россія, — участвовали и нижегородцы съ Кузьмою Мининымъ. Избирательную грамоту 1613 года подписали слѣдующіе выборные

Нижняго: Савва, протоіерей Спасо-Преображенскаго Собора, посадскій Самотка Богомоловъ, стрѣльцы—Яковъ Уляновъ и Федоръ Княжегорскій,— послѣдній приложилъ руку и за брата своего, нижегородскаго стрѣлецкаго сотника Степана Княжегорскаго. Кромѣ этихъ выборныхъ, грамоту подписали— Теодосій, архимандритъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Единодушный выборъ земскаго собора, созваннаго изъ выборныхъ всей земли съ этою цѣлью, палъ 21 февраля 1613 г. на Михаила Теодоровича Романова, родоначальника царствующаго дома Романовыхъ.

„Тако“, заключаетъ лѣтописецъ, „благимъ добронравіемъ своимъ Кузьма Мининъ военачальники совокупи и всѣхъ храбрыхъ благочестиваго воинства собра. И тако Содѣтельнымъ Промысломъ разгнашася темныя облацы толикихъ великихъ належащихъ золь“.

Во время вѣнчанія Михаила Теодоровича на царство Кузьма Мининъ былъ пожалованъ въ думные дворяне, что давало ему право засѣдать въ боярской думѣ, а князь Пожарскій въ думные бояре. Кромѣ этого, Кузьма Мининъ былъ пожалованъ „селомъ Богородскимъ, Ворсмою съ деревнями, съ пустошами и со всѣми угодыями“—получилъ домъ въ Кремлѣ, около Спасо-Преображенскаго собора, — „на мѣстѣ государевѣ“.

Остатокъ дней своихъ Мининъ пользовался большимъ довѣріемъ при царскомъ дворѣ.

Нуждался молодой государь въ такихъ людяхъ, какъ Мининъ, и послѣ смуты. Довѣрялъ царь Кузьмѣ Минину и въ большихъ и малыхъ дѣлахъ, въ важныхъ и незначительныхъ порученіяхъ, а заслужилъ онъ эту довѣренность своимъ крѣпкимъ умомъ, здравымъ смысломъ, своею честностью, прямою

и вѣрностью. Нуженъ честный, безкорыстный человекъ для сбора денегъ на содержаніе ратныхъ людей „для Московскаго очищенія“ отъ польскихъ шаекъ и своихъ русскихъ измѣнниковъ, — приставленъ къ этому дѣлу Кузьма Мининъ.

Уѣзжаетъ царь изъ Москвы на богомолье, оставляетъ Кузьму Минина съ другими „начальными людьми“ въ Москвѣ „для береженья“, для наблюденія за дѣлами и порядкомъ.

„Заворовала“, замутилась казанская черемиса, да татары, — посылаетъ государь Минина вмѣстѣ съ бояриномъ Ромодановскимъ, да дьякомъ Поздѣевымъ для „сыску“, для слѣдствія.

Отправляетъ государь въ Польшу посла для переговоровъ о мирѣ, даетъ ему грамоту, подъ которой подписывается и „думный дворянинъ Кузьма Мининъ“.

Вѣрный слуга царя, ревностный сынъ родины — Кузьма Мининъ былъ и усерднымъ сыномъ церкви. Часто и по-долгу молился онъ въ своей „храминѣ“, безъ молитвы и Божія благословенія онъ не начиналъ никакого дѣла. Даетъ онъ и вкладъ въ домъ Живоначальныя Троицы (въ Калязинъ монастырь) „на Государево Царево и Великаго Князя Михаила Теодоровича имя“.

Скончался Кузьма Мининъ въ 1616 году и похороненъ подъ сводами Нижегородскаго Кафедральнаго Спасо-Преображенскаго Собора.

Потомство Кузьмы Минина прекратилось со смертью сына его Нефедья около 1632 года

Село Богородское съ деревнями, оставшееся послѣ смерти Нефедья Минина выморочнымъ, поступило въ казну, послѣ было пожаловано князю Черкасскому, а затѣмъ перешло къ Шереметевымъ.

Подвигъ знаменитаго Нижегородца Минина и даже его могила долгое время были въ забвеніи. Только

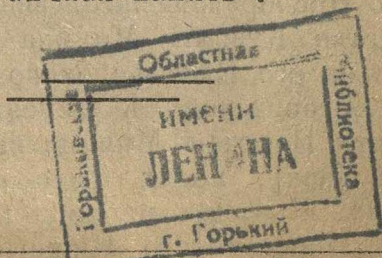
„черезъ столѣтіе, пишетъ изслѣдователь Нижегородской старины П. И. Мельниковъ, подвигъ этого великаго человѣка оцѣненъ былъ по достоинству“.

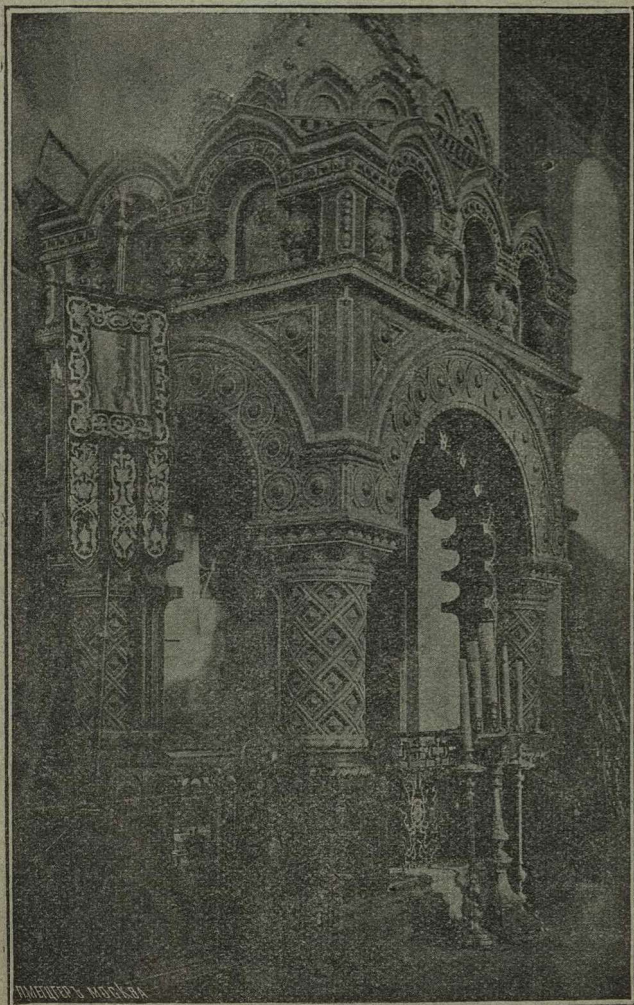
Въ Нижнемъ, въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ 30-го мая 1722 г. служилъ архіерей Питиримъ обѣдню. На правомъ клиросѣ съ пѣвчими стоялъ мужчина гигантскаго роста, прекрасный собою. Ему было ровно 50 лѣтъ. Онъ самъ пѣлъ, самъ громкимъ голосомъ читалъ апостолъ.

Отошла обѣдня, и онъ спросилъ: „Гдѣ похороненъ Мининъ?“ Мѣсто было показано, и онъ палъ ницъ предъ гробницею, промолвивъ: „ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЬ СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА“. Это былъ — Петръ Великій.

Въ Москвѣ, на Красной площади, и въ Нижегородскомъ Кремлѣ „спасителю отечества“ Кузьмѣ Минину и его достойному сподвижнику князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому поставлены на память потомству памятники, а могилы ихъ — Пожарскаго въ Суздаль и Минина въ Нижнемъ — дороги для каждаго русскаго человѣка, какъ доказательство **ВЕЛИКОЙ, ГОРЯЧЕЙ ЛЮБВИ КЪ РОДИНѢ**.

Памятуя славныя дѣла Нижегородца — выборнаго человѣка Кузьмы Минина и сподвижника его боярина князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, скажемъ вмѣстѣ съ лѣтописцемъ: „И за то имъ здѣсь слава, а отъ Бога мзда и вѣчная память“.

Сѣнь надъ гробницею Минина.

152

